

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АННА БАТЛУК

СТУДЕНТКА
В НАКАЗАНИЕ

Академия власти

Анна Викторовна Батлук
Академия власти.
Студентка в наказание
Серия «Академия власти», книга 2
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63640866
Анна Батлук Академия власти. Студентка в наказание:
Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146655-8

Аннотация

Мир, в котором я родилась и выросла, — мир красивой одежды, сверкающих моментоловов и больших денег, — стал для меня недоступен. И дело не только в том, что отец в целях воспитания упек меня в академию. Главное, что я сама стала безвозвратно меняться: привыкла к новому месту, добилась успехов в учебе и наметила путь, который мне придется пройти. Я могла бы чувствовать себя довольной, однако в жизни всегда есть досадное «но»: кто-то решил меня убить. И теперь мне предстоит выяснить, кто эти люди и чем я им так насолила?

Продолжение книги «Академия власти. Студентка в подарок».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	51
Глава 4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Батлук
Академия власти.
Студентка в наказание

© А. Батлук, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Мир, в котором я родилась и выросла, – мир красивой одежды, сверкающих моментоловов и больших денег, – все больше и больше становился для меня недоступен. Я родилась, чтобы стать моделью. Я должна чувствовать на себе восхищенные взгляды поклонников, передвигаться исключительно на новеньких омнибилях и радовать других одним своим существованием. Жаль, что в жизни, оказывается, всегда есть досадное «но». В моей жизни это «но» уперлось в странное обретение магии, дурацкое родительское желание во мне что-то там воспитать, и, соответственно, обучение в Академии власти, и лишение меня денег.

И если за два месяца, которые приходится пребывать в Академии, я более-менее привыкла к этому месту и даже наметила путь, который придется пройти если не до отчисления, то хотя бы к подобию терпимой жизни, – мужчины, с которыми мне необходимо общаться каждый день, все обретение спокойствия сводят на нет.

Мы шагали по парку, прямиком в его заросли – в ту часть, где обычно не боялись появляться только боевики с отделения земли. Полигон был пуст, но с тех самых пор, как ректор запретил мне участвовать в соревнованиях, открыто тренироваться наша команда не могла, а начало состязаний приближалось.

Таматин сказал, что знает идеальное место для тренировки, а потому шагал впереди вместе с Олефом. Следующими шагали Лисса и Эдит, а затем я и Хантер. Официальная легенда гласила, что девушек нельзя оставлять одних, а на деле парням хотелось побольше времени провести со своими избранницами.

– На что ты надеешься? – шепнула я Хантеру, когда вся наша компания растянулась на достаточное расстояние.

– Ты о соревнованиях?

– Да, ты думаешь, Виррас передумает?

– Вот уж точно нет, – фыркнул парень. – Просто все знают, что состав команды утверждается в тот момент, когда все участники выходят на поле. Так что в секрете твое участие нужно держать до начала игры.

Я удивленно уставилась на Хантера, и он понятливо улыбнулся:

– Выходит, что не все.

– И что это значит?

– Мы можем и не включать тебя в список участников – он формальный. Если ты вышла на поле в момент объявления команды, то ты уже участник, и никто тебя с этого поля не сможет вытянуть, пока не будет воздвигнут флаг. Защитный купол просто не даст.

– А-а-а, что-то такое я слышала, – вспомнила я. – А если мы этот флаг за два дня отвоевать не сможем?

Хантер посмотрел на меня с нескрываемым сожалением.

– Ляля, тебе бы описания игр почитать, правда. Правила-то ты выучила, а что с практикой? Не раз и не два бывало, что игроки оставались на поле больше чем на неделю. Для такого случая мы даже припасы с собой возьмем.

О таком развитии сюжета я даже не подумала. В моем понимании схватка между командами должна быть яростной, но короткой, – схлестнулись, вырубili большую часть соперников или соперники вырубili тебя и формально установили флаг в положенное место. Причем делать это просто, ведь враги уже валяются у твоих ног. Но с другой стороны, со мной будут три умелых боевика, а задача максимум – пережить отборочные, так что интересовал только один вопрос:

– Припасы же я носить на себе не буду?

– Нет, мы Таматина напряжем, – фыркнул Хантер. – Хоть какая-то польза от него будет.

– Идеальное место, – громко возвестил Таматин, останавливаясь и внимательно оглядываясь.

Так как мы довольно сильно отстали, пришлось нагонять и смотреть, что же там за идеальное место такое. Для тренировки Кряхс выбрал небольшую полянку, на которой вся наша компания с трудом смогла поместиться без того, чтобы не задевать огромные еловые ветки и непонятно откуда взявшиеся кусты сирени.

– Идеальное для чего? – устало спросил Хантер. – Для тренировки лесорубов? Здесь ровно половина присутствующих – огневики. Ты хочешь, чтобы мы пожар устроили? Сри-

кошетит удар от какого-нибудь щита и даже рассеяться не успеет.

– А чем не тренировка – очистить для себя поляну? – не согласился Таматин. – Потренируемся владеть силой.

Боевики просто устали – только этим я могу объяснить тот факт, что мы с Лиссой пошли дальше, выискивать дорогу среди зарослей, а парни остались объяснять непризнанному гению, почему такая поляна не подходит для тренировки. Догнали они нас довольно скоро, Кряхс постоянно трогал челюсть, а Эдит с Олефом довольно переглядывались. Хантер же, как истинный лидер, делал вид, что ничего не произошло – обычный воспитательный момент.

Подходящую для тренировки поляну мы все-таки нашли и разбились на пары: я – Эдит, Таматин – Олеф. Эдит и Олеф нападали друг на друга, а я и Таматин исполняли роли защитников. Хантер же в это время контролировал процесс и руководил отвлекающими маневрами. Не знаю, но как-то так само собой решилось, что Дангвару особые тренировки не требуются, и его задача – натаскать нас. Лисса же исполняла роль болельщиков – кричала, чтобы Таматина били посильнее.

Сначала все получалось вяло и грустно: Олеф боялся задеть меня, Эдит отвлекался на Лиссу, так что мои примитивные щиты худо-бедно справлялись. Но затем обидевшийся Таматин зарядил Эдиту в глаз далеко не щитом, и началось невообразимое. Эдит посылал в соперников просто волны

огня, которые Таматин с успехом отражал; Олеф, не понимающий, к чему такая жестокость, принялся мстить: мои щиты с таким потоком огненных и частично воздушных сил, так как Таматин вошел в кураж, – не справлялись, и Эдиту пришлось частично уйти в защиту. Мы отступали – нас прижимали к деревьям, и вдруг между нами и дуэтом соперников взвились в небо огромные дубы. Вот прямо так, за секунду посреди полянки, окруженной ясенем и вязом, появились дубы. Схватка прекратилась сама собой – Олеф и Таматин скрылись от нас за дубовой стеной. Хантер подошел, чтобы рассмотреть возникшую преграду, Лисса пока приближаться боялась.

– Вот это ты даешь – отвлекающий маневр, – ахнул Эдит. – У тебя и магия земли, что ли, есть? А почему скрывал?

– Это не я. – Хантер нахмурился. – Что происходит?

Крики с другой стороны были неожиданными и потому еще более пугающими. Олеф громко матерился, заставляя краснеть даже Эдита, а Таматин тонко, как-то по-девчачьи завизжал. Мы на секунду замерли, прислушиваясь, а затем бросились на другую сторону дубовых джунглей, выстроившихся в один ряд. Бежали быстро, сопровождаемые криками парней и вспышками огня, которым, по-видимому, отбивался Олеф, но, когда выскочили на другую сторону поляны, никого уже не увидели – ни врагов, ни соратников. По звукам удалось найти пропавших.

Оказалось, что ноги Олефа и Таматина обвили лианы и

бодренько так тянут наших друзей куда-то в сторону. И Эдит и Хантер бросились на помощь – у боевиков в принципе нет стремления долго думать и испытывать замешательство. Они принялись помогать Олефу жечь лианы огнем, но сгорала одна ветвь и тут же появлялась другая, еще сильнее и толще. Казалось, будто бы сгоревшие растения просто обрастают дополнительной кожей и спешили отомстить обидчикам. И если лианам, схватившим Олефа, удавалось нанести большой урон, потому что он мог воздействовать на них с близкого расстояния и без боязни повредить себе, то у Таматина дела были плохи. Лианы утащили его в настоящие заросли, а Кряхс, как нестрессоустойчивый знаток, просто визжал и с ужасом смотрел на обвивавшие его ноги растения. Лисса кричала, понимая, что со своей водой, без особых умений, может лишь заставить лианы расти быстрее.

– Да делай ты уже хоть что-нибудь, Таматин! – взревел Хантер, но гения все дальше и дальше утаскивали в заросли лианы.

Я испугалась – на Кряхса мы постоянно ругались, ворчали, да и вообще делали вид, что совсем его не любим. Да, он действительно заносчивый, иногда высокомерный и противный чурбан. Но отдавать его лианам я не собиралась. Не собиралась настолько серьезно, что последовавшие события стали закономерностью.

Я опять почувствовала, как кружится моя голова. Воздух похолодел, и по поляне закрубился туман, обвивая ме-

ня огромными кольцами. То, что я потихоньку училась владеть своей силой, шло на пользу: почувствовала вдруг, как быстро и отрывисто вырывается воздух из легких Таматина, как горячо дышат огневики – огонь словно бы проникал во все клеточки их организмов. Я знала, что призванный мною туман способен мгновенно стать густым и плотным и разорвать не только эти лианы на ноге Таматина, но и саму ногу. Не могу объяснить, но я это осознавала каждой своей клеточкой, и при этом не было оглушающего ощущения могущества.

– Ляля! – страшно закричал Хантер.

Я повернулась, но поняла, что парень остался у моих ног, а клубы тумана подняли меня в воздух.

– Все хорошо, – я постаралась улыбнуться, но, судя по испуганным лицам парней, получалось плохо.

Все будто замерло – даже лианы перестали тянуть паникующего Таматина, вот только он, к сожалению, вопить так и не перестал. Я мешкала, боялась вместо растений повредить нашего непризнанного гения, и вот все решилось: лианы щелкнули, в последний раз взметнулись вверх и втянулись в землю, дубы остались на месте, но стали немного меньше размерами, а на поляну вдруг вышел принц Кисьяк.

Его почти не было видно среди замерзшей и пожухлой травы, но это не мешало принцу важно выступать вперед, уперев руки-веточки в бока. Как мне показалось, рост кустика немного увеличился, но могло ли это произойти за та-

кой короткий срок? Хотя он же на растение похож, может, от качества почвы и рост зависит. Как-то сразу я поняла, кому мы обязаны испугом Таматина и дополнительной тренировкой огневигов, и успокоилась. Я помнила, как защищал Радагат принца перед коллегой, и понимала, что серьезного вреда Кисьяк студентам нанести не может.

Успокаивалась я – исчезал туман, и через несколько секунд мне удалось оказаться на земле. Обратила внимание на опасливые и удивленные взгляды огневигов, поежилась и решила, что общение с принцем предпочтительнее.

– Что ты здесь делаешь? – Чтобы быть ближе к Кисьяку, села прямо на землю. – Мы же далеко от стены.

Кисьяк показал на Олефа, который стоял позади меня, затем на Таматина, который лежал на земле и стонал, скорчил злое личико и попрыгал на месте. Походило на то, что парни показали принцу злыми, и я озвучила свою догадку вслух. Кисьяк довольно закивал.

– И ты решил нам помочь? – Принц еще больше обрадовался. – Не нужно было. Это мои друзья, мы тренировались.

Кисьяк открыл в немом изумлении рот, потом что-то быстро застрекотал, как сверчок, но я ничего не поняла и расстроено развела руками.

– Прости.

Тогда принц устроил целое пантомим-шоу на тему: злые Олеф и Таматин били маленькую меня, а противный Хантер – причем его противность была показана очень красочно –

просто смотрел, да еще и палками периодически бросался. Так что герой Кисьяк решил восстановить справедливость и поспешил на помощь.

Хантеру это не понравилось. Даже больше – Хантер серьезно обиделся и нервно спросил:

– Ляля, это кто?

– Кисьяк, – титул решила не озвучивать. – Он живет у нас в парке.

– Я такого никогда не встречал, – подал голос Эдит.

Таматин заинтересованно приподнял голову – понял, что на гениальные страдания никто не обращает внимания и подкрался поближе.

– Постой-ка, а его появление не связано с этой стеной в парке, про которую все говорят? – это уже умница Олеф. – Что это вообще такое?

И тут подал голос Таматин:

– Представитель мира дендронов, полагаю.

Мы все обернулись на гения. Лисса вообще издала судорожный вздох, который явно демонстрировал ее подозрение, что кустик принес именно гений.

– Об этом говорят характерные насечки на его руках и то, что передвигается он временным переносом корней...

– Об этом говорит то, что куст живой, твою мать! – рявкнул Хантер. – Как это вообще возможно? Как он в наш мир попал? Ляля?!

– Не знаю, – быстро сориентировалась я. – Самой инте-

ресно.

Принц ошалело уставился на меня и потряс в воздухе кулачком.

– Да-да, – я не сдавалась. – Даже представить не могу, кто принес его в наш мир. И вообще, может быть, он здесь с родителями, так что огромные дендроны скоро вылезут из кустов и всех раскидают.

Парни с опаской посмотрели по сторонам – свежи были воспоминания о выросших за секунду дубах и силе лиан, и если подобную экзекуцию учинил маленький кустик, то что будут творить огромные бешеные деревьяшки?

– А я немного понимаю язык дендронов, – вдруг сказал Таматин. – Изучал, когда было свободное время. Даже не думал, что когда-то пригодится.

Кисьяк радостно застрекотал что-то, а Эдит удивленно пробормотал:

– В свободное время... Я в свободное время гири подкидываю или сплю, но явно не с кузнечиками общаюсь. Он точно ненормальный.

– Да тихо ты, – шикнул восхищенный Олеф. – Я, может быть, тоже так хочу, но из-за того, что боевик, – языки не даются.

Таматин внимательно выслушал принца, кивнул, коротко ответил на таком же языке и повернулся к нам.

– Перед нами принц дендронов – Кисьяк III, – на этих словах принц прямо-таки по-королевски немного наклонил

голову, приветствуя нас. – Деревья сообщили принцу, что на территории, выделенной ему для проживания, разгорелся неравный бой. Его высочество бои уважает и решил посмотреть, прибыв на место. А когда увидел, что обижают его знаковую, то разозлился и решил вмешаться. Разумеется, если бой был тренировочным, то он всех прощает.

– А откуда он взялся-то? – Хантер потрепал Таматина по плечу. – И откуда он Лялю знает?

И тут гений поднял на меня глаза и промолчал. Глядя на него, я отлично поняла, что Таматину уже все известно – Кисьяк ему рассказал. А что он еще сказал? Что я была с проректором?

– Не хочет говорить, – медленно сказал Таматин, не сводя с меня взгляда. Кисьяк возмущенно завопил, но гений сделал вид, что не заметил. – Так что у Ляли и спроси, как они познакомились, – Таматин встал и отряхнул колени.

Все с ожиданием уставились на меня. Я неловко улыбнулась и сказала:

– Даже не знаю, что ответить. Я видела его всего лишь раз – он приходил к проректору, когда у нас была тренировка. Думаю, все дело в том, что я единственная не стала на него нападать и задавать глупые вопросы!

Лисса странно взглянула на меня, но ничего не сказала, и за это я была ей благодарна.

– Странное оправдание, – отметил Эдит.

– Его высочество согласен, – отмел Таматин. Все посмот-

рели на Кисьяка, а он, сделав ротик буквой «О», крутил головой и не понимал, что происходит. – Вот видите? Глупая версия, но правдивая.

– Неважно, – Хантер устало потер переносицу. – Ваше высочество, мы здесь не раз еще будем тренироваться, так что вы, пожалуйста, не вмешивайтесь. Никто Лялю обижать не собирается, я вас уверяю.

Кисьяк величественно кивнул и, высоко поднимая ножки-корни, направился в заросли парка.

– Ну, продолжаем? – с энтузиазмом воскликнул Эдит. – Классная тренировка, ни у кого такой не было точно.

Мы молча уставились на него, всячески демонстрируя ненависть и крайнюю степень озверения. У Олефа из-за прицельного метания Хантером и Эдитом огня были обожжены ноги и руки, Таматин сильно прихрамывал, Лисса не могла разговаривать из-за сорванного голоса. Я и Хантер остались невредимыми, но настроение тренироваться точно пропало.

– Эй, вы чего, – не понял Эдит. – Ну классно же было. Ты, Хантер, зря так рано дендрона отпустил...

На занятие к Радагату я опять отправилась с Таматином. Непризнанный гений был странно задумчив и периодически недовольно на меня посматривал.

– Что не так? – не вытерпела я. – Ты на меня смотришь с таким видом, будто раскрыл убийство, и я в нем главный подозреваемый.

– Преступление-то я, может быть, и раскрыл, – протянул

Кряхс. – Вот только ты в нем, скорее всего, жертва.

– Ничего не поняла.

Таматин остановился прямо перед приемной и взял меня за плечи.

– Ляля, признавайся, проректор тебя домогается?

– Что?! – Я чуть не упала, но благо гений меня поддержал.

– Я не задал вопроса, когда ты попросила ходить с тобой на тренировки, я не рассказал никому обстоятельства твоего знакомства с принцем дендронов, хотя тогда ты была вместе с проректором. Но я понимаю, что это подозрительно. И если он обижает тебя, то мы должны принять все меры, чтобы его... остановить.

Я чуть не прослезилась – впервые наш гений подумал о ком-то, кроме себя.

– Нет, Таматин, все хорошо, правда. Меня никто не домогается.

Ну почти. А если проректор и домогается, то очень жаль, что мало.

Гений облегченно кивнул и совсем уж неуверенно залопотал:

– Я читал, что красивые девушки часто подвергаются всяким домогательствам. Я – не красивая девушка, мне тяжело судить, но знай, если все-таки что-то произойдет плохое, ты обращайся ко мне.

– Обязательно, – я не выдержала и обняла Таматина. Так как гений намного выше меня, обнимать пришлось за талию.

– Хватит, хватит, – смутился не привыкший к нежностям Таматин. – Раз уж проректор не последний подлец, то надо не опаздывать к нему на занятие. Где я еще халявный мастер-класс получу?

В кабинет Радагата я и боялась заходить, и одновременно этого хотела. Наверное, я уже настолько привыкла к ежедневным встречам с проректором, что воспринимала это какой-то подпиткой. И речь не о поцелуях совсем – они и были-то не регулярными, а уж теперь... Не удержавшись, я тяжело вздохнула.

– Первым зайти? – неверно понял мой вздох Таматин. – Боишься его?

– Боюсь не его, – туманно ответила я. – Но иди первым.

Таматин гордо поднял подбородок вверх и толкнул дверь кабинета. Я двигалась следом, и потому слова гения для меня явились полной неожиданностью.

– Мсье Симан, рад вас видеть!

– Симан? – Я выглянула из-за Таматина и обнаружила, что вместо Радагата за столом сидит пухлощекий Мароон Симан. Преподаватель по силам воздуха с удобствами устроился в шикарном кресле и только что ноги на стол не забросил. – А где Рада... мсье Виррас?

– Уехал. – Преподаватель со вздохом встал с кресла и потянулся. – Попросил меня подстраховать на индивидуальной тренировке. Только вот, смотрю, не такая уж она и индивидуальная?

– Мсье Виррас разрешал мне присутствовать, – с жаром заверил Таматин. – Уверяю вас, это жизненно необходимо! Я же, как светило университета, должен знать все...

Один взмах руки Симана и Таматин потерял голос, бесполово продолжая шевелить губами.

– Мне-то что, оставайся, – равнодушно сказал Симан. – Только если болтать продолжишь, я тебя голоса не на день лишу, а на месяц. Как ты тогда на занятиях выпендриваться будешь?

На день? Таматин теперь разговаривать не сможет? Эту новость следовало сообщить друзьям, да и вообще обвести сегодняшнюю дату в календаре, чтобы в последующие годы отмечать с размахом. Но вслух не могла не спросить:

– А куда мсье Виррас уехал?

Симан побуравил меня недовольным взглядом и через пару минут молчания соизволил издевательски ответить:

– Мне не сообщили, что я должен перед вами отчитаться, так что приступим к тренировке. Тиррос, надеюсь, у вас больше нет желания меня убивать?

– Даже не знаю, – едва слышно пробурчала я. Неужели Виррас прячется от меня? Не хочет встречаться? Можно подумать, что это я его оскорбила. И мне бы радоваться, а вот настроение стремительно портится.

– Что-о-о?!

– Прошу прощения, оговорила. Желания нет, вообще никакого, – собственный голос звучал как-то горько.

По итогам занятия Мароон Симан сказал, что готов тренировать меня вместе с группой, и не стоит больше утруждать проректора. Как к этому относиться, я не знала, а потому равнодушно пожала плечами и отправилась на тренировку к Каракату. Таматин меня в покое не оставил и двинулся следом. У знатоков сейчас было время, когда они должны заниматься самообразованием, а так как Кряхс самообразован сверх меры, то мог немного отойти от расписания.

– Ляля, ты меня слушаешь или нет? – возмутился Таматин. После Симана устала я безумно и потому шла, с трудом пытаясь наскрести внутри себя силы еще и на гонку на полигоне. Естественно, что в таких условиях обращать внимание на гения, который, как обычно, трепался в режиме монолога, желания не осталось.

– Прости, задумалась, – покаялась я. – Что ты сказал?

– Мне нужна твоя помощь, – неохотно признал Таматин, и от неожиданности я даже споткнулась.

– Слушай, Кряхс, – с угрозой в голосе начала я, – если ты опять довел соседа, то живи в коридоре. Дружба дружбой, но от тебя проблем больше, чем от детей. Не понимаю, когда я родить-то успела.

– Нет, с соседом... все нормально. – По вздоху Таматина я поняла, что не так уж и нормально, но уточнять не стала. Взрослый мальчик, пусть разбирается сам. – Мы достигли определенного взаимопонимания.

– Тогда в чем дело?

Кряхс глубоко вздохнул, набираясь смелости.

– Ляля, побудь моей девушкой?

Я во все глаза смотрела на Таматина – вот точно не подозревала наличия у него ко мне нежных чувств. Что на такое можно ответить? И обижать непризнанного гения не хочется, все-таки отказ ранил бы и кого-то более эмоционально устойчивого.

– Временно, – от Таматина мое замешательство не укрылось. – Не навсегда.

– Объясни. – Я понимала, что совершенно ничего не понимаю.

– В выходной у моей мамы день рождения, – Таматин сделал паузу, в которую я должна была заверить гения, что все поняла. Но я не поняла, а потому взглядом поощрила продолжить. – И приедут почти все родственники. Самое главное, приедут мои двоюродные братья. А они окончили Академию и всегда говорили, что здесь невозможно остаться без девушки. Невозможно, если ты не Таматин Кряхс.

Так вот оно что. Оказывается, нашего гения обижали не в гимназии, а в семье. Странно, но, зная Таматина, вполне объяснимо – на родне свои зелья сильно не поиспытываешь, они и побить могут вполне безнаказанно. По-семейному.

– Э-э-э, Таматин, – гений посмотрел на меня такими умоляющими глазами, что отказать ему было бы издевательством, – мы с Хантером договорились о свидании. Не могу

же я сказать, что все отменяется потому, что я еду знакомиться с твоими родителями. Он не поймет.

– Мы появимся только на обеде! Портал будет настроен прямо к дому – так что на дорогу мы совсем не потеряем время. Два часа с моими родственниками – и ты будешь свободна! Неужели вам для свидания целый день нужен?

– Почему бы тебе Лиссу не попросить? – недовольно спросила я, хотя сама уже понимала, что соглашусь. Все-таки Таматин и в соревнованиях в нашей команде согласился участвовать, и на тренировки к Радагату со мной ходил, да и переживал из-за того, что меня проректор домогается. Хотя стоп. А точно ли он искренне переживал? – Таматин, а как давно ты этот план придумал?

– Давно, – признался гений. Но стыда в нем точно не было.

– И к Радагату со мной ходил не из-за того, что щитам хотел научиться?

– Ну-у, в книгах пишут, что нужно помогать людям. Ведь если человек чувствует себя обязанным, то его гораздо легче уговорить на что-то. Ты уже чувствуешь себя обязанной?

Я постаралась дышать ровно и размеренно, чтобы не придушить Таматина прямо здесь. Надо же хотя бы до полигона дотерпеть, так, может быть, Каракат засчитает это за практику по боевым искусствам.

– Таматин, я тебе, конечно, помогу, но давай ты больше не будешь на мне никакие безумные теории проверять. В книгах не пишут, что с друзьями так непорядочно поступать?

– Я мог и не дочитать до этого.

Глава 2

Как я и думала, Хантеру мое путешествие с Таматином не понравилось. Причем не понравилось не из-за того, что мы проведем с ним меньше времени в выходной день, а из-за того, что мне придется назваться девушкой Крякса.

– А если я скажу, что меня обижают в имении, ты тоже будешь согласна познакомиться с моими родителями?

Я представила отца – в такой ситуации нужно было постараться ответить максимально нейтрально, как сделал бы это министр, чтобы не спровоцировать скандал. А он назревал, это было понятно и мне, и Таматину, который отирался неподалеку. Да уж, сообщить Дангвару о нашей с Кряксом мнимой влюбленности на тренировке к соревнованиям – плохая идея. Настолько плохая, что кто-то мог пострадать. Хорошо, конечно, что не я, но Таматина тоже жалко.

– Ты считаешь, что уже пора?

Дангвар напрягся. Под тонкой рубашкой – куртку он снял в пылу битвы с Олефом и Эдитом – перекатывались мускулы. Смотреть на это было настолько приятно, что я понимала, как должна поступить – шагнула вперед и обняла Хантера за плечи.

– Это же на самом деле просто представление, ты же понимаешь.

Дангвар обнял меня и, наклонившись, уткнулся в мою

шею носом. От мужского горячего дыхания было щекотно, и я повела плечом. Хантер переместился выше и легко поцеловал меня в висок.

– Я против.

– Ну разумеется, – фыркнула я. Повернулась и легонько поцеловала Хантера в губы. – Но я уже пообещала Таматину.

– Эй, может, мы продолжим? – терпение у Олефа кончилось. Плановый перерыв задержался очень даже внепланово.

Хантер отмахнулся от друга.

– Ты и мне обещала. – О да, Дангвару тоже есть чем крыть.

– Я же от своих слов не отказываюсь, – тяжело было сдержаться и не начать скандалить. Собственническое поведение Хантера, на мой взгляд, ничем не было обосновано и потому раздражало. Я отчего-то вспомнила, как Радагат запрещал мне общаться с Дангваром. От мысли о проректоре чуть не взвыла и разозлилась еще больше. – Мы с Таматином договорились только на два часа моего времени. Это маленький срок, думаю, ты сможешь его пережить.

Хантер скривился, и я поняла, что ноток – предвестников грозы в моем голосе он не почувствовал.

– Больше я не намерена обсуждать этот вопрос! – Тон даже холоднее, чем я планировала. Отстранилась и сложила руки на груди. – Прости, Хантер, но ничего плохого я делать не планирую, а ты не мой муж, чтобы командовать.

В прищуренных глазах Хантера горела злость и, наверное, обида. Но не стоит мной командовать, правда. Я еще со сво-

ими чувствами не разобралась, а меня уже чуть ли не под замок сажают.

– Хорошо, – Дангвар отвернулся к гению, – я согласен, чтобы ты два часа была его девушкой. Только если узнаю, что кто-то распускает губы или руки, что-то точно оторву.

Того, как я закатила глаза, Хантер не заметил – направился к уже отдохнувшим друзьям.

Последние дни октября тянулись как будто замороженные. Несмотря на то что до зимы еще оставался целый месяц, воздух заметно похолодел, и я радовалась, когда ощущала вокруг эти линии силы. Почему-то взаимодействовать с холодными температурами воздуха мне было намного легче.

С Радагатом мы не виделись, я старательно запрещала себе о нем даже думать – проводила с Хантером все свободное время и, кажется, даже научилась не вспоминать о противном проректоре. Наконец-то нашла информацию о приворогах, удостоверилась в том, что все рассказанное ранее Хантером – правда, и раз уж Радагат не ищет со мной встреч, сделала вывод, что приворот он снял. Ну и хорошо, ну и правильно.

В этом месяце получение стипендии было не радостным событием. То ли в прошлом месяце выдали аванс за следующий, то ли теперь я хуже проявила себя, но руководство Академии почему-то решило, что 2000 квилей для меня будет достаточно. Даже если бы я не мечтала снять мантию, на

восстановление гардероба этих денег все равно не хватало. Эх, а впереди еще зимний бал.

В таких обстоятельствах хотелось плакать, а не учиться, так что на очередное занятие к Корнелии Сирз я шла едва переставляя ноги. Хорошо, что сегодня планировалась лекция. Не успела я дойти до аудитории, как увидела одноклассников, которые высыпали в коридор.

– Что происходит? – схватила за локоть Таматина.

– Изменение расписания, – гений выглядел недовольным, – у четвертого курса какая-то внеплановая практика, и Корнелию на нее срочно сорвали.

– А мы куда? В библиотеку?

– Мечтай, – вклинилась Лисса, – нам наложение устойчивых защитных чар поставили.

– Так они же только в следующем семестре должны быть.

– Пока в качестве факультатива. Это правильно, что нам дают возможность двигаться вперед программы, – нравоучительный тон Таматина, как всегда, раздражал, и я локтем двинула парня по ребрам. Кряхс ойкнул, но продолжил:

– Разумеется, всю программу первого курса я уже знаю лучше даже преподавателей. Но основы стоит повторить.

Нас обогнала Адель и, проходя мимо, задела Таматина плечом. Гений хотел было что-то сказать, но посмотрел на внушительные объемы девушки-боевика и передумал. Зато теперь держался поближе к стеночке, да и вообще вел себя поскромнее.

Я двигалась за Таматином в потоке первокурсников, но, когда Лисса завернула в одну из аудиторий, вместе с водниками, а остальные отделения продолжили свой путь, заволновалась:

– У нас по отделениям занятие будет?

– Ну конечно, – презрительно фыркнул Таматин. – У каждой стихии своя техника наложения защитных чар. Так что вызвали деканов. Вместо Корнелии нам придется с Радагатом встретиться.

Таматин исподлобья взглянул на меня, проверяя реакцию. Я отвернулась, ничего не сказала, но мысленно выругалась. Если бы такие слова услышал мой отец – уважаемый человек, министр, – ему бы точно стало плохо с сердцем. Хотя как знать, в его жизни иногда такая дичь происходит, что ругательства становятся единственным выходом из положения, и дочкой он мог бы и загордиться. А вполне возможно, что министр и погордился бы, и удар получил.

Проректора я увидела еще в коридоре – он тоже шел в аудиторию, прямо нам навстречу. Широкими шагами, как всегда, уверенный в себе и невозмутимый. Студенты воздушного отделения заторопились и бросились в кабинет. В дверях даже давка началась, настолько первокурсники хотели оказаться на своих местах до того, как проректор их настигнет. Таматин тоже бросился во всеобщую кучу малу, и только я не спешила и остановилась в паре шагов от затора. Гений явно был лишним – втиснулся между двумя совсем

не маленькими воздухоходиками-создателями и верещал, что ему нужнее всех. Радагат подошел к аудитории, остановился неподалеку от меня и молча взирал на это безобразие.

– Вы уже вернулись? – Я искоса взглянула на проректора.

Радагат повернулся. На секунду. В упор посмотрел на меня прозрачными спокойными глазами, равнодушно пожал плечами и вернулся к созерцанию того, как первокурсники пытаются пробиться в кабинет.

– Как видите.

И ответил же, не придерешься, но мне почему-то от такого демонстративного равнодушия стало тяжело в груди. Я отвернулась к двери. Таматин наконец-то удачно дернулся и в аудиторию прорвался. А за ним рванули и пышные создатели. Меня Радагат пропустил вперед, и в кабинет я входила выровняв спину и высоко подняв подбородок.

Урок действительно был интересный – хоть и факультатив. Как я уже заметила, Радагат – идеальный преподаватель, который умеет увлечь студентов за собой, рассказать о схеме защиты таким образом, что она накрепко вбивается в память. Занятие было не стандартным, как у мсье Симана, когда следовало только поставить щит. Мы учились накладывать защитные чары, которые активировались в случае опасности. Как выяснилось, для первокурсников опасным является маленький камушек, но даже от него никто, кроме Таматина, защититься не смог. Но обиднее всего было не это. Обиднее всего было то, что за весь урок Радагат на меня ни

разу не взглянул. Хотя нет, он смотрел, но не на меня, а на мое плетение – когда проходил мимо студентов с проверкой. Но от этого было еще хуже.

В выходной день выспаться мне не удалось – рано утром разбудила Лисса с требованием пройтись по магазинам. Немного подумав, я решила, что на день рождения к будущей свекрови, хоть и ненастоящей, негоже приходить в мантии, а потому пошла к Таматину, в свою очередь, его разбудила и потребовала оплатить мне шопинг. Не сказать, что гений обрадовался, а если быть точнее, и вовсе кричал, как потерпевший, но я с милым лицом заверила его, что двоюродные братья завидовать тому, что Таматин встречается с оборванкой, не будут. Да и вообще могут решить, что Кряхс мне за отношения доплачивает. Аргументы были весомыми, а потому Таматин деньги на платье пообещал дать, но потребовал своего присутствия при покупке.

– Ты издеваешься? – разозлилась Лисса, когда я ей об этом сказала. – Таматин же редкостный жмот – мы всю дорогу будем слушать о том, какие транжиры.

– Какая разница? Он купит мне платье и пойдет по своим делам, а мы еще успеем с тобой пробежаться по нормальным местам.

– А ты уверена, что вы быстро выберете платье, которое и тебе понравится, и нашего гения удовлетворит? – Лисса со злостью принялась перебирать вещи в шкафу, выбирая, что надеть.

Я покаянно вздохнула и призналась:

– Лисса, но ведь у меня денег мало, а до зимнего бала надо и на снятие мантии наскрести, и одеждой какой-то обзавестись. Учти, танцевать в этом ужасе я не собираюсь.

Лисса молчала, и лишь резкие движения выдавали ее раздражение.

– Не поняла.

– Ты о чем?

– А где мой синий свитер?

– У нас не так много мест, где он может оказаться. – Я открыла косметичку и принялась наносить крем на лицо. – Если в шкафу нет, посмотри в ванной – сушится же, наверное.

– Да я его еще не успела постирать – от родителей только вернулась и в шкаф положила. Слишком теплый... – Лисса настолько озадачилась, что даже забыла о том, что по магазинам прогуляться придется с Таматином. – Ничего не понимаю.

Я красноречиво оттянула воротник мантии, демонстрируя, что под ней у меня синего свитера не завалилось. Лисса махнула рукой.

– Может быть, у Эдита забыла?

– Да я вроде бы его не надевала. Ну хорошо, потом поищу.

Сегодня с неба срывался снег, и хоть первые его снежинки таяли на незамерзшей земле, погода радости не вызывала. Как и Таматин, который ходил следом за нами и поминутно причитал. Сначала его раздражала сама необходимость по-

купки, и он решил, что об этом должны знать все, а не только я и Лисса. Когда мы вошли в первый магазин, Таматин понял, что покупать первое попавшееся платье я не намерена, и устроил бурное выступление на тему «Женщины – плод любви троллей и русалок». Нам даже любопытно стало, почему были выбраны именно эти расы. Как оказалось, на троллей пал выбор потому, что издеваться любят, а русалкам вечно надеть нечего, хотя они ничего так, симпатичные.

В общем, от мучительной смерти Таматина спасало только то, что в общественном месте нужно вести себя прилично.

– Вот это платье точно подойдет, – Лисса радостно приложила ко мне простое платье винного цвета, длиной чуть выше колена. – Самое то для знакомства с семьей жениха.

Я недовольно скривилась. Меня вообще раздражал ассортимент товара – ранее-то приходилось одеваться в эксклюзивных бутиках, но деваться некуда.

– Померяй, – Лисса не сдавалась, несмотря на мое выражение лица. – Ты же ничего не меряешь, только ходишь и носом воротишь.

– Какое меряй?! – возмутился Таматин. Он уже выглянул из-за плеча Лиссы и посмотрел на ценник. – Ты видела, сколько это стоит? Нет, Ляля, моя невеста может одеваться и в местах попроще.

Тут уж я всмотрелась в платье повнимательнее.

– Твоя невеста, может быть, и сможет, а я – нет. Думаю, померить все-таки стоит. – И, не дожидаясь возраже-

ний непризнанного гения, отправилась в примерочную.

Платье действительно отлично село – не обтягивало, не отвлекало от меня какими-то рюшками или узорами, которыми пестрили другие наряды в этом магазине, в общем, я осталась довольна.

– Берем, а то опоздаем, – возвестила я, выходя из примерочной. – Прямо в нем и пойду – Таматин, расплатись пожалуйста.

– И не подумаю. – Гений сложил на груди руки. – Это очень дорого.

– Таматин, ты ведешь себя так, будто вы с Лялей всю жизнь женаты, – возмутилась Лисса. – Да тебе же все родственники завидовать будут – ты посмотри, какая она красотка.

– Изначально, задачи вызвать зависть у меня не было!

– А теперь есть!

– Нет!

– Ты бы лучше про скидку спросил, – влезла я в разговор, пока Таматин и Лисса не сошлись врукопашную.

Таматин опешил и перестал пожирать Лиссу взглядом.

– Точно! Они уступят половину стоимости, когда узнают, кто я такой!

И Таматин убежал к кассе требовать скидку. Не знаю, чем он ее аргументировал, но скидку нам все-таки сделали. Скорее всего, исключительно из-за наглости непризнанного гения.

Теперь от Кряхса с чистой совестью можно было избавиться и продолжить прогулки по магазинам. Мы выбрали для Лиссы несколько обновок, оставшиеся от ее стипендии деньги отправили родителям, и затем я сдала подругу на руки Эдиту, а сама вернулась в Академию. У главного входа меня уже ждал Таматин.

Так как Академия власти расположена далеко в горах и даже до ближайшего города Зангирада удобнее добираться через портал, посещение родных студентами было затруднено. Именно поэтому по выходным портал работал не только на то, чтобы перемещать студентов в Зангирад и обратно, но и для того, чтобы отправлять их на узловые дорожные пункты, откуда они смогут добраться домой. Те, у кого в семье была денежная возможность или возможность собрать вместе хорошо подготовленных, сильных магов, могли перемещаться точно наведенными порталами.

У родителей Таматина такая возможность, несомненно, была – портал открылся прямо на крыльце Академии ровно в полдень, и это наводило на определенные мысли: то ли семья нашего гения не так уж и проста, то ли все в ней и впрямь такие талантливые. Таматин очень волновался – взял меня за руку, и я вся ходуном ходила, настолько моего временно-го парня трясло.

Я остановилась прямо перед порталом и поправила гению шапку. Она меня, кстати, бесила – ноябрь месяц, а он меховой мешок на себя нацепил, который ему еще сантиметров

пятнадцать в высоту добавляет.

– Ты чего волнуешься? Сам говорил – просто познакомимся с твоими родственниками, пообедаем и вернемся обратно.

– А вдруг ты моей маме не понравишься? – у Таматина даже голос от волнения сел.

– Не понравлюсь – и отлично. Ты, как любящий сын, меня сразу бросишь – можно даже прямо на обеде.

– Ага, надо мной тогда братья смеяться станут. Скажут, что я маменькин сыночек.

Я глубоко вздохнула, взяла гения за руку и мысленно принялась уговаривать себя не злиться.

– Хорошо, тогда ты скажешь маме, что подумаешь, как решить эту проблему, вернемся в Академию, а потом ты меня бросишь.

– Какую это проблему? – Таматин впервые туго соображал, и я сама начала волноваться – что ж там за семья такая?

– Любую, – как можно мягче ответила я. – Все проблемы можно решить, так что на все, что тебе скажет мама, отвечай – я все решу, я же мужчина.

– Хорошо, – Таматин затравленно кивнул и зажмурился. – Пошли.

Я с минуту за ним понаблюдала – все это время гений стоял не шевелясь и не открывая глаз, а потом разозлилась и первой шагнула в портал. Таматину на прицепе – я-то его за руку держала – пришлось идти следом.

Вышли мы в небольшой прихожей, где нас встретил пожилой подтянутый мужчина. Я недолго понаблюдала за его общением с Таматином и решила, что это дворецкий. Странно как-то, Таматин вроде бы на аристократа непохож, но дворецкого себе даже не каждый министр может позволить. Становилось все интереснее.

Пока Кряхс разговаривал с дворецким, я осмотрелась и прихожей осталась довольна – богато украшенная старинная мебель, но нет ощущения затхлости и загроуженности помещения, на стенах красивые, со вкусом подобранные полотна. Если честно, мне казалось, что дом Таматина должен быть похож на огромную лабораторию, а не на обиталище аристократа.

– Пройдемте в столовую, вас уже все ждут. – Дворецкий забрал нашу верхнюю одежду, и Таматин мигом бросился к дверям. Пришлось громко покашлять, напоминая о себе. Гений вернулся и покорно взял меня под руку.

– Дорогой, я так волнуюсь, не оставляй меня, пожалуйста, одну ни на секунду, – звонко протараторила я. Таматин судорожно кивнул и на деревянных ногах отправился в другую комнату, дверь в которую перед нами предусмотрительно распахнули. Пока мы шли по коридору, я спросила:

– А где те, кто открыл портал?

– Это сделал Макр.

– Кто?

– Дворецкий.

– Ничего себе, – зашипела я. – У твоей семьи дворецкий, который обладает четырьмя стихиями. И ты жадничал купить мне нормальное платье?

– Мне ничего от них не нужно! – Таматин высоко задрал свой длинный нос, а я все-таки не удержалась и пнула его по ноге.

В столовую мы так и вошли: я – с блаженствующим выражением лица от справедливо совершенной мести, а Таматин – прихрамывая и сдерживая ругательства.

– Добрый день.

Да уж, того, что столовая Кряхса будет даже больше, чем в моем отчем доме, я не ожидала. В этой столовой можно было балы устраивать, и не уверена, что так не поступают. Стены помещения разделены на ярусы, отгороженные фигурными бордюрами. Цветовая гамма необычная, но взгляд притягивала – одновременно использовались белый, красный, синий и черный цвета, а еще и фигурные панно на стенах... Я даже рот приоткрыла от восторга, но тут же захлопнула, чтобы не выглядеть глупо.

Посреди столовой стоял длинный стол, за которым на достаточном друг от друга расстоянии сидели люди. В моем доме за стол бы не сели, пока не пришли все гости, а здесь даже сына не дождались.

– Уважаемый Таматин, – процедила дама, сидящая во главе стола. По длинному носу и выражению презрения во взгляде я как-то сразу определила, что это мать непризнан-

ного гения, – Вы опоздали, и мы вынуждены были сесть за стол без вас.

– Всего две минуты, – сказал Таматин.

Гости, сидящие за столом, с интересом меня рассматривали, но в разговор матери и сына не влезали.

– Не всего, а целых две минуты. Какая причина вашего опоздания? Давайте четко, ясно – на обдумывание тридцать секунд.

– Розалия, ну хватит тебе, – пробормотал тучный мужчина, который сидел по правую руку от мамы гения. – Ребенок же не один пришел.

– Двадцать секунд, – визгливо напомнила женщина. Я ее уже начинала бояться.

– Нас немного задержали на выходе.

– Внятно!

– Нас задержали! – Я скептически взглянула на Таматина. Задержала-то нас собственная трусость непризнанного гения.

– Это было важно?

– Очень.

– Важнее дня рождения собственной матери?

– Розалия, ну хватит тебе, – это опять тучный мужчина. – Потом поговоришь с мальчиком.

– Хорошо, – женщина недовольно закатила глаза. – Таматин, что вы стоите столбом, может быть, познакомите нас со своей спутницей?

– Матушка, это моя девушка – Лилиана Тиррос.

– Девушка?! – хором воскликнули почти все гости. Промолчали только моя «свекровь» и ребенок, которому на вид было не больше пяти лет. Ребенок с тоской взирал на стол и, по-видимому, мечтал о том моменте, когда застолье все-таки начнется.

Таматин выкрики родственников проигнорировал и продолжил:

– Лилиана, познакомься, пожалуйста, это моя матушка – Розалия Райос. – Я проглотила вопрос на тему, почему у Таматина с матушкой фамилии разнятся, и верно – сразу же последовало продолжение:

– Этот мужчина – мой отчим.

– Эдард Райос, – титул мужчина не назвал, коротко кивнул и с тревогой взглянул на Розалию.

– С остальными можно и не знакомиться, – заявил вдруг Таматин и потянул меня к столу. – Мы ненадолго.

Суп я пережила нормально – вести себя умею, ложку и нож не путаю, с шумом не прихлебываю. Но все равно ощущала на себе пристальные взгляды гостей. За столом царил такая напряженная тишина, что волнение Таматина мне тоже передавалось. Я каждый раз глотала еду с ощущением, что именно сейчас она станет мне поперек горла.

– Итак, Лилиана, – матушка Таматина наконец-то отставила тарелку. – Я правильно понимаю, что вы учитесь с моим сыном?

Я мило улыбнулась.

– Да, именно так.

– Я надеюсь, вы знаток?

– Нет, – мы с Таматином переглянулись.

– Нет, – брезгливо повторила Розалия. – Это печально.

На мой взгляд, только знатоки могут чего-то добиться в этой жизни. Остальные специализации достойны только лишь по-лы мыть ну или сестрами милосердия подрабатывать. Ну тогда, может быть, вы создатель?

– Лилиана – боевик, – прекратил экзекуцию Таматин.

Розалия скривилась так, что стало понятно – лучше бы ее сын без головы пришел, чем с девушкой-боевиком, но допрос все-таки продолжился.

– Я слышала, что у боевиков много времени уделяется физической подготовке, это правда?

– Еще какая.

– То есть вместо того, чтобы питать свой мозг знаниями, вы кидаетесь гирями, подтягиваетесь и деретесь? Вы считаете, что это достойное порядочной девушки занятие? Хотя о чем я говорю – если вы только этим и занимаетесь, ваше мнение спрашивать бессмысленно.

Быть спокойной становилось все сложнее и сложнее. Я с трудом выровняла мышцы лица – сидящая напротив женщины даже вздрогнула и с улыбкой ответила:

– Вы же в курсе, что у студентов нет возможности выбрать факультет?

– Тем и печальнее – то есть у вас способностей к обучению нет вовсе. И это врожденное.

– Мама, – послышался вялый голос Таматина.

Все молчали, стыдливо уткнувшись в тарелки, а вот мой друг попытался противостоять своей деспотичной матушке, хотя было заметно, что боялся ее как огня.

На еле заметный выпад Розалия, естественно, внимания не обратила.

– Может быть, у вас есть какие-то увлечения?

Вопрос свекровь задавала с таким лицом, что было понятно без слов – даже увлечение в виде ухода за бездомными животными будет недостаточно подходящим. А потому – зачем пытаться? В конце концов, я здесь не для того, чтобы составить Таматину лучшую партию, а для того, чтобы утереть нос его двоюродным братьям.

– О-о-о, увлечений у меня очень много, – я даже повернулась к Розалии, чтобы лучше видеть ее выражение лица. – Начну издалека: я, вообще-то, модель. Вы могли видеть меня в последнем конкурсе мужского журнала «Паннекс». Не интересуетесь, нет?

Сдавленный кашель Эдарда свидетельствовал о том, что он-то как раз интересуется. Но, конечно, отчим Таматина не сказал ни слова.

– Чтобы вы понимали, для моментосессии я была в нижнем белье от известного дизайнера. Можем, кстати, обсудить дизайнерские новинки в этой отрасли.

– Благодарю, мне это точно неинтересно.

Я заметила, что на рыбу, которую поставили на стол вместо супа, гости не взглянули. Даже единственный ребенок за столом взирал на меня с открытым ртом.

– Жаль. Обычно мужчины знают толк в хорошем нижнем белье, и вам бы оно точно пошло на пользу.

Розалия пошла пятнами, и пока она ничего не успела ответить, я продолжила.

– Кстати, думаю, что ваши мысли насчет того, что боевики годятся только на то, чтобы мыть полы, следует передать моему отцу. Как же так, министр, а выпустился из Академии власти боевиком. Тут или с поста уходить надо, или поступать в Академию заново.

– Твою мать! – не выдержал парень, сидящий напротив Таматина. – Она еще и дочь министра.

– Карроль, – возмутилась Розалия, – веди себя прилично.

– А вы, наверное, двоюродный брат Таматина? – обрадовалась я. – Знаете, он так много о вас рассказывал?

– Обо мне? – Карроль поперхнулся.

Я подождала, пока он откашляется, и с милой улыбкой сказала:

– Да, он говорил, что его братья пользуются вниманием девушек, но если честно, я совсем не понимаю из-за чего. Вы же совсем... обычный. Совсем не такой, как мой Таматин.

Я повернулась к ошалелому Кряхсу и с чувством поцеловала его в щеку.

– Он идеальный.

– Таматин! – рявкнула Розалия и даже привстала со стула, чтобы лучше видеть сына. – Ты кого привел в мой дом?

– Свою девушку, – пробормотал Таматин.

– Будущую жену, – отрезала я.

– Это что, правда? Она что, – Розалия даже охрипла от ужаса, – беременна?

– Нет, это любовь! – Я схватилась за локоть Таматина. Кряхс смотрел на меня с ужасом. – Но знаете, если вы против, мы вполне можем немного подождать со свадьбой. Нужно же наладить отношения с родственниками. Со свекровью.

– Мне дурно. – Розалия упала на свой стул, а муж бросился обмахивать ее салфеткой. – Сын мой, как ты мог полюбить такое чудовище?

Я весело смотрела по сторонам: Карроль и сидящий рядом парень, как две капли воды на него похожий, с восторгом рассматривали то меня, то Таматина, явно не понимая, как мы сошлись; пышнотелая женщина, чем-то неуловимо похожая на Эдарда Райоса, делала записи в маленьком блокнотике – она то ли боялась что-то забыть, то ли наоборот, что-то сочиняла. Рядом с Таматином сидела маленькая, шуплая и невзрачная девушка в очках. Так как мать ее, сидящая с другой стороны, сердито поджимала губы каждый раз, когда приходилось смотреть на меня, то я сделала вывод, что эта милая девчушка – одна из кандидатур на руку Таматина. Ее мне сразу стало жалко. Не руку, в смысле, а девушку. Ну

и последними гостями, которым я явно понравилась, была семейная пара. Они, правда, занимались преимущественно едой, но на меня поглядывали с одобрением.

– Да я, э-э-э-э... – блеял Таматин, не зная, что сказать. Я пнула его в бок, и Кряхс твердо сказал:

– Мама, я со всем разберусь сам.

– С чем ты разберешься? С этой гиеной?

– Знаете, я бы попросила, – обиделась я. – Я же вас не обзывала.

Подумала и мстительно добавила:

– Вы же все-таки мама моего будущего мужа.

От летящей в мою голову посуды уворачивалась я отменно – сказывались тренировки у Караката. А вот у хладнокровной на первый взгляд свекрови выдержка оказалась не такая уж и хорошая. Успокоили ее с трудом и пока отпаивали зеленым чаем с ромашкой, я деловито ела жаркое и посматривала на часы. Отмеренные Таматину два часа уже были на исходе, как вдруг с трудом успокоившаяся Розалия вдруг возжелала с недостойной поговорить. Все сидящие за столом гости сделали вид, что это совсем даже и не неприлично, вот так вот выходить из-за стола и удаляться для разговора. А я взглянула на Таматина и сделала грустное лицо, надеясь, что гений меня спасет. Зря надеялась – Кряхс будто еду видел в первый и последний раз и хотел запомнить ее вкус надолго.

Мы прошли в комнату, которую, по-видимому, обычно использовали для приема чая – роскошь и размах здесь чув-

ствовались во всем, начиная от мрамора на полу и заканчивая лепниной на потолке. Я все больше и больше сомневалась в том, что Таматин привел меня в свой дом – не складывались в моей голове Кряхс и это великолепие. И самое странное, что при высоких потолках и расширенном пространстве у меня не исчезало впечатление, что воздуха в здании ограниченное количество. Мне было душно, неприятно – я чувствовала себя липкой и какой-то грязной.

Розалия села на кресло и рукой указала мне на диван напротив. Отнекиваться я не стала, присела на самый край, с удовольствием пытаюсь представить, что мне сейчас скажут.

– Итак, Лилиана Тиррос. Скажите прямо, зачем вам мой сын?

Я уже поняла, что Розалия привыкла говорить и действовать без предварительной подготовки, а потому варианты возможных вопросов и ответов на них продумала заранее.

– Я же вам говорила, – не сдержавшись, я криво усмехнулась, – у нас любовь.

Розалия отмахнулась от меня.

– Девушка, мой сын – гений. Я знаю, я его воспитала. Он по-настоящему стремится к великим открытиям, в нем есть этот дар – дар искать и находить. Когда-нибудь он прославит имя своего отца. Отца, которого незаслуженно называли сумасшедшим из-за того, что он всех хотел одарить магией... К чему это я? Ах да, Таматин гениален, но он явно не герой-любовник. Ему нужна тихая девушка, которая будет за

ним ухаживать и поддерживать его в стремлении к известности. А такая, как вы, только разовьет в нем нездоровую тягу к авантюрам. Вы же отвлекете его от науки!

– А что вы понимаете под ухаживаниями? Ложечку ко рту подносить во время обеда, чтобы Таматин не отвлекался от серьезных дум? Рубашечки стирать, гладить? Так у вас, насколько я понимаю, прислуга есть – вот ей и можно поручить все это. А жена нужна для любви.

Розалия прищурилась, внимательно меня разглядывая.

– Не будь вы дочерью министра, я бы решила, что вы гонитесь за наследством моего сына. Но у Чирраса, насколько мне известно, дела идут неплохо, и в деньгах его единственная дочь нуждаться не должна.

Я улыбалась, хотя мне было неприятно, что мать Таматина знакома с моим отцом – еще дойдут до него слухи о том, что я замуж собираюсь. И ладно бы и правда собиралась, а то нет же. В общем, побеспокоят папу зря.

Розалия меж тем продолжала:

– Даже неудачи с этой редакцией закона не должны бы настолько влиять на желание его дочери выйти выгодно замуж. Неужели вы и правда любите моего сына?

Я коротко кивнула.

– Тогда вы должны знать, что вся роскошь, которую вы видите вокруг, Таматину не принадлежит. Его родной отец после своей смерти оставил нам только долги и дурную славу в научном сообществе. Таматин не говорил вам об этом?

– Не говорил. – Мне и знать об этом не хочется, но, боюсь, Розалию не остановить – она уже задалась целью изгнать невестку, так что стоит подыграть. Да и не может любящая девушка не желать слушать о своем любимом... Так что придется делать заинтересованный вид.

– Заммориус Кряхс был моим первым мужем. Мы познакомились, когда я была студенткой первого курса, а он профессором. Он был гениален, но достаточно... – Розалия задумалась, подбирая слово, – своеобразен. Его называли чудачком, и только я понимала, насколько его изобретения феноменальны. Он разработал два метода поисковых импульсов, виртуозно накладывал защитные чары, но самое главное его изобретение состояло не в этом. О нет, мой муж смотрел вглубь, он считал, что нечестно, когда магией обладают не все, когда не у всех равные возможности.

Я посмотрела по сторонам, отметив, что, несмотря на мнение бывшего мужа, сейчас Розалию ничуть не смущает социальное неравенство.

– Чтобы ты понимала, Заммориус разработал универсальную систему магических потоков, овладев которой любой может воспользоваться силой.

– Как это?

Розалия снисходительно на меня посмотрела.

– Вы считаете, что я смогу вам объяснить всю теорию Заммориуса за несколько минут?

– Я не об этом. То есть любой может обрести магию? Даже

тот, кто никогда ею не обладал?

– В общих словах – да. Если совсем в общих.

– И это тяжело? Ритуалы какие-то нужно делать? В транс входить? В магический кокон погружаться?

– Подождите, – нахмурилась Розалия. – Все совсем не так. Я понимаю, что вы уже начитались этих примитивных учений, которыми пользуется большинство магов нашей страны, но теория Заммориуса гораздо сложнее. Но я не собираюсь рассказывать вам сейчас об этом. Я хочу донести другое!

Я в нетерпении поерзала на одном месте, желая продолжить расспросы, но все же решила, что уточню подробности у Таматина. А то что-то обретение мною магии до сих пор мне покоя не дает.

– Эту теорию правительство встретило крайне отрицательно! Даже больше скажу – ее запретили, как опасную для жизни и здоровья! А Заммориус столько вложил в главный труд своей жизни и сил, и денег.

– И вас, – подсказала я.

– Вы отвратительно воспитаны, – посетовала Розалия. – Почему Таматин этого не видит?

– Влюблен.

– Вероятно. Все мужчины недалёковидны в том, что касается денег и женщин. Раньше я радовалась этому, но теперь сожалею. Итак, Заммориуса отправили на пенсию, а мы на эту пенсию не только долги отдавать – мы даже жить за счет нее не могли. Мой муж – гений, настоящее светило науки

– не смог этого стерпеть и умер. И виновато в этом только правительство. Оно нам не помогло, даже когда я осталась безутешной вдовой с ребенком науки на руках. Если бы не моя встреча с Эдардом, то не знаю, как бы мы выжили и что случилось бы с Таматином.

Я сокрушенно покивала, но осмелилась спросить:

– А зачем вы мне это рассказали?

– Чтобы вы поняли – с моего сына ничего не удастся поиметь. У Эдарда есть свои дети, и все наследство перейдет им.

– Это, конечно, печально, но совершенно меня не пугает – мы с Таматином будем счастливы и в шалаше, а богатство только развращает. Что-то еще? Очень неудобно, но мы опаздываем.

– Куда? – Розалия недовольно изогнула накрашенные губы, а я с трудом удержалась от того, чтобы сказать правду. Интересно, как матушке Таматина понравится мое заявление о свидании с другим парнем?

– Спросите у своего сына, – выкрутилась я. – Он вам с радостью расскажет, что за сюрприз приготовил.

– Мы не договорили, милочка. Мой сын вам так легко не достанется, не надейтесь! Он любит свою мамочку!

Разумеется, как только Розалия завидела своего гениального сына, она тут же поспешила допросить его на предмет сюрприза. Таматин растерялся, нашел меня глазами и, когда понял, что помогать ему я не собираюсь, страдальчески вы-

давил, что хотел бы провести лекцию на тему «Способы размножения червей». По лицам близнецов я поняла, что авторитет гения вернулся почти на ту же планку, на какой был до моего появления.

Глава 3

Поездка к матери Таматина помогла понять, что наш гений еще и не так плох. В условиях взросления рядом с Розалией – так просто замечателен. Неизвестно, как бы я к людям относилась, если бы мне каждую секунду твердили о том, что я гениальна, лучше всех, а все остальные – деграданты проклятые. Я бы, наверное, не только эликсиры на соседях испытывала, а и расчленять их пыталась бы. Не эликсиры, в смысле, а соседей. Так что по возвращении в Академию я Таматина крепко обняла и расцеловала в обе щеки. Хантеру, который нас встречал у университетского портала, это очень не понравилось.

– Кряхс! – рявкнул Хантер, и гений от его окрика нехило так подпрыгнул и заметался, не зная, куда спрятаться. – Это что сейчас было?

– Сам не знаю! Она на меня накинулась.

– Ой, Хантер, – я широко улыбнулась и бросилась Дангвару навстречу, – я так счастлива, что готова расцеловать весь мир.

От магов, которые дежурили у портала, подпитывая его, донеслись смешки.

– А почему такое веселье? – хмуро уточнил Хантер, но мои объятия все же принял. – Я надеюсь, тебя там за Кряхса не засватали?

Таматин понял, что его убийство откладывается, и осмелел. Я же чувствовала себя безумно счастливой и легкой от осознания того, что пытка кряхсовым домом и его обитателями наконец закончилась.

– Нет, конечно. Моя матушка против нашего союза – она крайне избирательно относится к выбору моей спутницы жизни.

– Что-то дома ты таким разговорчивым не был, – съехидничала я. – Таматин, а расскажи нам, пожалуйста, почему мы не знали о том, что ты аристократ?

– В каком это смысле? – обалдел Хантер и обнял меня покрепче. – Не может быть. И я не в курсе?

– Ой, – отмахнулась я, – мы, конечно, в курсе, что вам приходится учить все знатные рода, но и ты промахнулся.

– Я нормальный человек! – гордо заявил Таматин. – Моя мама просто вышла замуж за аристократа.

– Еще лучше. А как это у него получилось не на ровне жениться? Семья не осудила? – заинтересовался Хантер. А меня словно под дых ударили – я так и замерла, чувствуя, как хорошее настроение утекает сквозь недовольно поджатые губы. Нет, я, конечно, знала, что у некоторых аристократических родов есть принцип чистоты крови и практикуются договорные браки, но как-то не хотелось бы от парня, который вроде как в меня влюблен, об этом слышать. Замуж за Хантера я не собираюсь, об этом пока и речи не идет, но все же стало обидно.

– Второй брак, – снисходительно пояснил Таматин. – Он вдовец.

– Понял. Свободен. Ляля, у нас с тобой культурная программа, ты готова?

– Готова, – я кивнула и отстранилась от Хантера.

Он словно бы ничего не почувствовал и первым шагнул в портал. Я помедлила несколько секунд, пытаясь привести себя в нормальное состояние духа, но не получалось – и серое небо уже не радовало меня, и холодный воздух был не таким уж и холодным. Хотелось вернуться в комнату и спрятаться под одеяло, но возможности такой не осталось – свидание я и правда Хантеру обещала. Потому в портал шагнула и даже не противилась тому, что Дангвар схватил меня за руку и потянул куда-то в переплетение узких улочек. Но шла медленно – настроение испортилось вконец, и что-то внутри теперь подстегивало устроить скандал.

– Скажи-ка, Хантер, – желание наконец достигло своего апогея, – а у тебя уже есть невеста?

Парень удивленно посмотрел на меня и расхохотался.

– О чем это ты? Я же расстался с Амалией.

– А она тебе ровня была?

– Не понял.

– Ну ты же аристократ? Аристократ. А Амалия была уверена, что сможет тебя под венец затащить. Но, насколько я знаю, она-то как раз не аристократка ни разу. Так как она собиралась это проверить? Она ж тебе не ровня.

Хантер зашагал медленнее, с подозрением поглядывая на меня. На его лице отчетливо виднелась напряженная работа мысли.

– Вообще не понимаю, о чем ты, – наконец сказал он. Но что-то в карих глазах подсказывало мне, что все Хантер отлично понял. Оттого злилась я еще больше.

– Скажи-ка, Хантер, а часто у аристократов браки с простолюдинками случаются?

Для пущего эффекта даже остановилась и руки на груди сложила. Дангвар посмотрел на свою ладонь, из которой я руку вырвала, и тяжело вздохнул.

– Ляля, уже давно нет такого понятия, как простолюдины. И нас аристократами уже редко зовут, равны же – каждому по способностям...

– А аристократам за прошлые заслуги, – перебила я, – вопрос ты слышал, ответь на него, пожалуйста.

– Редко, – неохотно, но признал Хантер. Хотел еще что-то добавить, но не стал.

– А что ж ты тогда не с ровней встречаешься?

И сама понимаю, насколько глупы мои вопросы, насколько они неуместны, но вот остановиться не могу. Совсем непохож Хантер на аристократа, другой он совершенно, хотя, может быть, только со мной так? Потому что влюблен? А когда влюбленность закончится? Что ж вокруг меня за мужики-то такие: один – привороженный, другой – аристократ!

– Встречаюсь, потому что хочу, – зарычал Хантер. Его мой

вопрос тоже взбесил, и виноватым Дангвар себя не чувствовал. – Что ты против имеешь? Мы что, жениться уже решили?

– А значит, мы так, на недельку познакомились?!

– Ляля, прекрати.

Но когда просьба прекратить действовала на женщину? В моем случае – так никогда. Я надулась и придумывала самый язвительный ответ, на который была способна, как вдруг за спиной Хантера увидела черный длинный омнибиль. Он медленно проехал по главной улице, и я даже шею вытянула вперед – омнибиль напоминал тот, в котором разъезжала по Зангираду Лиззи.

– Что там? – Хантер обернулся, но омнибиль если и заметил, то значения ему не придал, а я вдруг задумалась над тем, что же здесь Лиззи забыла. Я понимаю, конечно, контракт, съемки, но не будет же «Паннекс» сутками в одном и том же месте свою звезду снимать. Декорации же хотя бы должны меняться, а какое же здесь разнообразие? Горы, реки, леса, но и их же когда-то надоест журналу демонстрировать?

– Ничего. – Я недовольно посмотрела на Хантера, пытаюсь вспомнить, о чем мы говорили. Вспомнить-то вспомнила, но момент скандала был безнадежно упущен, да и за думками насчет Лиззи какой-то неважной показалась обида. Действительно, и чего я разошлась – замуж уже, что ли, собираюсь?

– Куда мы там с тобой шли?

– А про свадьбу что, разговоры уже окончены? – развесе-

лился Хантер, но я на него так посмотрела, что смехом парень сразу поперхнулся. – Понял, мы к ним скоро вернемся.

Хантер осторожно взял меня за руку и повел куда-то, рассказывая о том, как в прошлом году они с Олефом и Эдитом устроили взрыв в комнате, после чего засбоила защитная магия. Я кивала в такт шагам, но подробности не запоминала. Не знаю почему, но появление Лиззи, – если это все-таки она, – меня взволновало. И хоть мы с Лиссой решили, что мое бешенство в ресторане было случайностью, при мыслях о заклятой подруге становилось тревожно. Все-таки странно – контроль над магией я теряла три раза, и два из них рядом была Лиззи. Может быть, уже мое подсознание так реагирует на Контас? И не будет ли такого, что при встрече с ней я вообще с ума сойду? Я уже даже решила было вернуться и проверить – вдруг омнибилъ так и остался на центральной улице, как вдруг Хантер остановился.

– Пришли.

Я осмотрелась, пытаюсь выгнать мысли о Лиззи и ее роли в моей жизни, и обнаружила, что мы дошли до какого-то кафе. Об этом красноречиво указывало и название «Велира», и баннер, который оповещал, что для господ студентов скидка на кофе двадцать процентов. А вы представляете, что для студентов может быть лучше кафе почти в центре города? Да, только скидка в нем.

Задумчивость на меня напала, но вот язвительность она нисколько не переборола. Так что я вспомнила, что Хантер,

вообще-то, обещал мне когда-то необычное свидание, и сарказм сдержать не смогла:

– Как ты считаешь, здесь уже половина Академии или только треть?

– Думаешь, все места заняты? – Хантер выглядел спокойным, что не могло меня не злить – блуждать по всем заведениям в поисках свободного столика я не собиралась.

– Конечно, заняты – сейчас вся Академия в городе, а это кафе ближайшее к площади. Студенты, наверное, на головах уже друг у друга сидят.

– Присоединимся к знакомым. – Хантер улыбнулся и приобнял меня за талию, чтобы я не сбежала. – Ты можешь сесть мне на колени, я не обижусь.

Я даже задохнулась от возмущения, и Хантер, пользуясь тем, что сверлю его взглядом и молчу, отбуксировал меня к кафе и распахнул дверь.

– О! Свободный столик.

Я зло обернулась, а оказалось, что и злиться-то не на что.

– Здесь никого нет.

Небольшое помещение, бежевые стены которого были сплошь обвиты цветами, не было пустым: барная стойка, официанты, бармен, какие-то стойки, назначение которых осталось неизвестно – все как полагается, но вот столик для гостей был всего один. И он-то как раз пустовал.

– Ну почему же никого, – Хантер помог снять куртку, повесил ее на вешалку и проводил меня к столу, – ты посмотри

сколько персонала.

Я улыбнулась, чувствуя небольшую вину за свои капризы.

– Ты арендовал целое кафе?

– Нет, всего один стол, – Хантер отодвинул стул и я села. –

Так что за другие столы не вздумай садиться – они ждут гостей.

– Не буду, – пообещала я. – Их же нет, соблазна не испытываю.

Хантер сел напротив, и к нам тут же подлетела официантка.

– Мы рады видеть вас в нашем заведении, – отрапортовала она привычную фразу, вот только было заметно, что женский пол данного кафе искренне рад только Дангвару. Меня же они готовы расчленить на том самом столе, на который официантка положила меню. – Позовите, когда будете готовы сделать заказ.

Хантер решил основательно подкрепиться и заказал себе стейк. Я же ограничилась салатом. Пока мы ждали еду, нам принесли бутылку красного вина и бокалы.

– Ты обещал проректору не спаивать его студентов, – неожиданно даже для себя напомнила я, наблюдая за тем, как Хантер наливает вино в бокал.

Дангвар криво усмехнулся.

– Если бы я всегда слушался преподавателей, мы бы тут не сидели.

– Как это?

– У меня домашний арест, помнишь?

– До сих пор? Я искренне была уверена, что он уже закончился. Но как же ты вышел через портал?

– У меня свои секреты, – Дангвар широко улыбнулся, а я не смогла удержаться, и ответная улыбка тут же появилась на моем лице. Хантер красив, и отмахиваться от этого было довольно сложно.

«Не Радагат, – язвительно проронил мой внутренний голос, а я несколько нервно возразила: – И хорошо!»

Нам уже принесли еду, и мы даже приступили к трапезе, как вдруг дверь кафе распахнулась и в помещение ворвался взлохмаченный Олеф. Видеть всегда невозмутимого парня таким взволнованным было удивительно, и Хантер, на лице которого сначала появилось недовольство, даже привстал со стула.

– Олеф, что случилось?

– Лиссе плохо. – Я вскочила с места, и Олеф перевел на меня встревоженный взгляд. – Она уже в Академии, Эдит с ней. Я еле вас нашел – обежал весь город.

– Что произошло? – Я едва сдерживала слезы, глядя на Лиссу, лежащую на кровати.

Моя подруга была без сознания, а все ее тело обвивали и пронизывали синие полупрозрачные нити, которые, как мне пояснил Заррис, обладали лечебными свойствами.

– Пока неизвестно. – Виктор стоял рядом, сложив руки на

груди. – Похоже на массивный стихийный удар, только нанесенный издалека.

– В каком это смысле издалека? – нервно уточнила я. – За два, за три метра? Где они гуляли? Почему не зацепило Эдита?

Эдита я мельком видела в коридоре и сделала вывод, что парень в порядке. Хотя Лисса тоже вроде бы жива, но без сознания, да и лицо ее больше маску из воска напоминает.

– Издалека – это значит, что удар дистанционный. Вполне возможно, что злоумышленник находится не в Зангираде.

– Как такое возможно?

– Об этом лучше поговорить не со мной, а с теоретиками магии. В любом случае мы сообщили правоохранителям, скоро они будут здесь и, так как вы дружили с Лиссой и жили в одной комнате, с вами захотят поговорить.

– Что значит дружили? – разозлилась я. – Мы и сейчас дружим. Или у вас есть сомнения, что Лисса поправится?! Может быть, нужно вызвать целителей из столицы? Я свяжусь с отцом, он поможет, уверена.

– Нет, Лиссе уже ничего не грозит – Эдит вовремя перенес ее в Академию. К тому же ей очень повезло – преступник неправильно выбрал стихию.

– Как это? – Я с недоумением взглянула на Виктора.

Декан вздрогнул, поняв, что сказал лишнее, и нахмурился.

– С твоей подругой все будет хорошо, ступай. И, пожалуй-

ста, не поднимай панику в Академии – все и так будут не в себе из-за появления дознавателей.

В коридоре я увидела Эдита. Он стоял у окна, привалившись лбом к стеклу, да и вся его поза выражала уныние и скрытую боль. Я подошла к Эдиту и положила на его плечо руку.

– Я не понял, как это произошло, – сквозь зубы процедил парень. – Она просто закричала и упала – я едва успел ее подхватить, чтобы не ударилась.

– И ничего не было видно? – не поверила я. – Может быть, какие-то лучи, не знаю. У меня в голове не укладывается, что еще бывают дистанционные удары.

Эдит хмыкнул и обернулся ко мне.

– Плохо вас учат, боевик Ляля. Такие удары существуют, они опасны тем, что от них тяжело заслониться, да и сил требуют огромных. Ты можешь представить, кто мог напасть на Лиссу?

– Она никогда не говорила, что у нее имеются такие враги. Честно сказать, по ее рассказам я бы сказала, что она всегда жила тихо и спокойно. Да и ты можешь представить, чтобы Лисса кому-то навредила так, чтобы ее захотели убить?

Эдит покачал головой.

– Разумеется, нет! Она... она ведь необыкновенная! Добрая, ласковая, нежная...

Я вспомнила, как эта добрая и ласковая отметелила Тама-тина, и не сдержала улыбки, хоть она и не соответствовала

ситуации.

– Она рассказывала про свою семью: мама, папа, куча братьев и сестер – все живут в небольшой деревне, и вряд ли там есть маги такого уровня, чтобы устроить дистанционное нападение. Да я и представить не могу, за что? Забор не поделили? Такое ощущение, что Лиссу с кем-то перепутали.

Я дернулась: мысль, еще не сформированная, но уже появившаяся, заставила задуматься. Может быть, действительно, Лиссу с кем-то перепутали? Но с кем? Единственный вариант – со мной: мы вместе живем, общаемся на учебе и вне учебы. Но единственный мой враг сегодня – Амалия, но не думаю, что любовь Хантера – действительно повод идти на преступление. Я растеряннo стояла, опустив руки, и сверлила взглядом стену напротив. Одни вопросы, и ни единого ответа – мне даже непонятен механизм этого дистанционного удара, чтобы делать какие-то выводы.

– Студентка Тиррос?

Я обернулась: ко мне направлялся высокий подтянутый мужчина в форме следователя. Мой отец – министр внутренних дел, так что уж в форме я хоть немного разбираюсь.

– Я – Огарт Лирс, мне нужно с вами поговорить.

– Конечно. – Я ободряюще коснулась локтя Эдита и, дождавшись ответной улыбки, подошла к следователю. – Расскажу все, что знаю.

Мы обосновались в свободной палате – я села на пустующую кровать, а Лирс занял стул. Сначала следователь за-

дал мне вопросы о возрасте, образовании, пропустил информацию о родителях – по-видимому, провел параллель между моей фамилией и фамилией своего высокопоставленного руководителя. Возможно, что именно по этой причине Лирс и был учтив – не раз слышала, что представители правоохранителей отличаются хамством и наглостью, а здесь даже уточнили, можно ли обращаться ко мне по имени.

– Итак, Лилиана, есть ли у вас предположения, кто мог это сделать?

– Сделать что? – нервно осведомилась я. – Если честно, я даже не понимаю, что произошло и почему моя подруга лежит в лечебнице при смерти. Если вы сможете объяснить, буду очень признательна.

– На Талиссу Камилос совершено нападение. Нанесен дистанционный удар огненной стихией.

Ничего нового следователь мне не сообщил, и потому я молчала, не сводя с него взгляд. Огарт тщетно прождал какой-то моей реакции, вздохнул, по-видимому, сетуя на тупость нынешних студентов, и принялся пояснять:

– Судя по направлению удара, огонь должен был поразить мозг. То есть полностью выжечь мозг Талиссы.

– Должен был? Но не поразил?

– Не так, как задумывалось, – следователь растянул губы в улыбке, но глаза оставались холодными. – О причинах неудачи вы сможете прочитать в учебниках, у меня нет времени останавливаться на этом подробнее.

– Да, конечно. – Я почувствовала себя неудобно. – Но я не представляю, кто мог желать Лиссе смерти. Это даже в голове не укладывается.

– У нее не было врагов?

– Не было! – искренне ответила я. – Это может быть ошибкой?

– В каком это смысле? Вы считаете, злоумышленник мог промахнуться?

Сарказм я ясно уловила, но не обратила на него внимания.

– Но может же быть такое, что убить хотели другого человека, но перепутали его с Лиссой?

Следователь откинулся на спинку стула и устало потер пеници.

– Нет, Лилиана, не может. Такой магии всегда предшествует серьезная подготовка. Даже сильный маг не может направо и налево разносить дистанционные удары, так что вероятность того, что просто перепутана жертва, – нулевая.

– Я поняла. – Я облегченно выдохнула – меня мучала мысль о том, что могу быть причиной травмы Лиссы. – Но тогда точно не знаю, кто мог это сделать.

Лирс задал еще несколько вопросов, ответы на которые коротко записывал в небольшой блокнотик – я даже заскучала, погружившись в свои мысли, как вдруг:

– У Талиссы в последнее время не пропадали вещи? Не делилась она с вами?

Я едва не зевнула.

– Не поняла, о чем вы говорите. Какие вещи? Деньги, украшения?

– Нет, меня интересует исключительно одежда – платья, футболки, мантия.

Я уже покачала было головой, как вдруг вспомнила утренний разговор с Лиссой. И действительно, вполне возможно, что свитер потерялся, но ведь не стал бы следователь просто так интересоваться одеждой пострадавшей?

– Она вроде бы говорила, что у нее пропал свитер. Синий, по-моему. А что?

Следователь записал что-то в своем блокноте и только потом равнодушно на меня взглянул.

– Стандартные вопросы, Лилиана, ничего более. Вы знаете, когда он мог пропасть?

После дюжины вопросов на тему, как выглядел свитер и куда мог деться, на которые не было ответов, Лирс меня отпустил. Я была зла и выжата как лимон. Дурой не являюсь и отлично поняла, что, раз личности Лиссы было уделено гораздо меньше времени, чем пропавшему свитеру, для расследования это имеет громадное значение, а значит, что? Значит, я должна понять, кто это мог сделать.

По пути в спальню я все размышляла о том, что никак не мог кто-то проникнуть в нашу комнату. Во всяком случае, не через дверь. Даже когда нам пришлось пустить на проживание Таматина, он вечно ждал нашего с Лиссой возвращения в коридоре – дверь чужих не пускает. А шарить в шкафу и

выносить одежду на наших глазах попросту невозможно. Но вот был один момент, который вроде бы мне и привиделся, но после нападения на Лиссу вспоминался все более отчетливо. И предположений о том, кому нужна одежда Талиссы, у меня не было, но зато мучало подозрение, что Радагат ночью нашу комнату посещал и не через дверь. Если вспомнить, что после этого самого посещения чуть не погибла моя подруга, то становится по-настоящему страшно.

Я уже пришла в нашу с Лиссой комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней изнутри спиной. Невидящим взглядом смотрела на пустые кровати, на стопку книг на столе – книги-то Лиссы, мой единственный учебник под подушкой лежит. И не только кровати были пусты, комната пустовала без Лиссы, сердце мое без нее пустовало – удивительно, что за такой короткий срок эта девушка стала моей настоящей подругой. Лиззи не стала ею за всю жизнь, а вот Лисса...

И если это Радагат посещал нашу спальню, то нужно было что-то решать. Нет, не думаю я, что проректор напал на подругу, но ведь подозрения нет-нет да и мучают, да и тревожат, и вот как с ними бороться? Только спросить. А потому я развернулась и бросилась в кабинет проректора. Скажет, что был в моей спальне, так не буду дальше и разговаривать – к следователю пойду. А скажет, что не был, так тем более к следователю бежать надо.

Секретарь на своем обычном месте отсутствовала – выходной ведь, и потому предупредить проректора о моем при-

ходе было некому. Радагат вообще мог бы и отсутствовать на рабочем месте, отдыхать в городе, да еще и не один. Как только к мыслям о том, что проректор – преступник, добавилась догадка, что он с девушкой, я даже ускорила. Неудивительно, что и в кабинет ворвалась чуть не снеся дверь.

– Лилиана? – Радагат был, как всегда, невозмутим, но я заметила промелькнувшее в его глазах удивление.

Я остановилась на пороге, боясь сделать шаг вперед. Если в виновность Радагата все же было сложно поверить, то в то, что на мои вопросы ответить он не захочет, – верилось легко. Приворот-то уже снят.

Я следила за прозрачными глазами проректора, пытаюсь хотя бы по ним угадать, как мне себя вести, и заметила, что Радагат осматривает меня. Медленно, растянуто, словно бы и не видел никогда, будто впитывая в себя каждую частичку. Молчание повисло в кабинете, и я замерла, вся дрожа от этого взгляда, которым проректор словно бы касался моей кожи. Словно пальцы скользили по телу, и от каждого касания я воспалялась.

Взгляд скользнул по лицу: коснулся губ, огладил щеки, и мы с Радагатом наконец-то встретились глазами. Проректор вздрогнул, дернул головой и отвернулся, будто бы ничего не случилось, будто и не было этого момента, когда все вокруг остановилось и остались в целом мире только он и я. Я смутилась, сама тоже отвернулась и уставилась в окно: вечереет, хорошо на улице, просторно, не душно...

– Что вы хотели, Тиррос?

И голос такой равнодушный, что жутко захотелось Радагата ударить. Так как опыт уже был, пришлось руки сжать в кулаки и несколько раз вдохнуть-выдохнуть, чтобы не сорваться. Все заготовленные речи из головы вылетели, и потому без всякого вступления, да еще и довольно резко спросила:

– Вы зачем в мою комнату ночью залезли?

Радагат поперхнулся, перестал строить из себя замороженного и ко мне все-таки повернулся. Я же по-прежнему смотрела в окно и за проректором следила краем глаза.

– А подробности можно услышать? А то мне самому интересно, зачем же я это мог сделать.

Такой ответ меня немного смутил, но решимости не убавил, и потому я тряхнула головой и еще раз попробовала:

– Вы неделю назад были в моей спальне? – решила, что недостаточно подробно объяснила, и добавила: – Ночью.

– А должен был?

– Нет! – Я нервно сделала несколько шагов вперед и остановилась.

– Тогда с чего такие вопросы?

Я растерялась, не зная, что сказать и как объяснить свое состояние. Ситуация вообще была странная со всех сторон: в то, что ночной посетитель мне приснился, уже не верилось ни секунды, но вот кем он мог быть? Самый объяснимый вариант – Радагат. И портал может открыть, и мотив явиться ко

мне был. Но вот почему после его посещения пропала одежда Лиссы? Даже думать об этом не хочу. Вариант, в котором Радагата не было, а был неизвестный вор, тоже не очень радовал – как вообще кто-то смог открыть портал в Академию, да и для чего этому «кто-то» убивать Лиссу?

– Так вы открывали портал в мою комнату или нет? – уже тише спросила я.

– Лилиана, – голос Радагата звучал мягко – проректор заметил мое состояние, – присядь и расскажи, что случилось.

– Сначала ответьте! – Я наконец повернулась к Радагату и посмотрела на него не отворачиваясь и не пряча взгляд.

– Хорошо. – Проректор раздраженно взлохматил волосы. – Я не был в твоей комнате ни ночью, ни днем, ни неделю назад, ни сегодня. Я ответил на твой вопрос, теперь ты мне объясни, что происходит.

Я села на стул, поджала под себя ноги и, глядя в пол, начала:

– Мне приснился сон, – искоса взглянула на проректора, но он молчал, – хотя вполне возможно, что я и не спала, просто состояние было такое... странное. Глаза открыть не могла, но слышала, как загудел портал.

Я помолчала и шепотом добавила:

– Решила, что это вы.

– Откуда ты знаешь, что это был портал? – подал голос проректор.

– Я так подумала. У вас так же гудят стихии – вы созда-

вали портал, я помню. Кто-то вышел из портала и подошел к шкафу. Я удивилась, думала... неважно, что я думала, но этот кто-то открыл шкаф, закрыл его и ушел через портал.

— Когда это было? — подал голос Радагат. — Я имею в виду, когда приснился этот сон?

— В тот день, когда Таматин впервые пришел со мной на ваше занятие. Помните?

— Помню, — глухо сказал проректор. Я опять искоса взглянула на него и принялась наблюдать за тем, как Радагат думает — чуть сощурившись и постукивая карандашом по столу. Вдруг проректор резко посмотрел на меня, и я отвернулась, досадуя, что мое внимание было замечено. — Лилиана, что ты знаешь о дистанционных стихийных ударах.

— Ничего, — честно призналась я. — Сегодня впервые о них слышала. Я думала, что все происходит так: в меня направляют потоки магии, я могу увидеть, заметить, поставить щит. А оказывается, что меня и издалека убить могут.

— Неудивительно, на теории силы их изучают на пятом курсе. И тем более в Академии не изучают их практическое применение. Они запрещены.

Я молчала.

— Для того чтобы нанести дистанционный удар, магу нужно иметь вещь, принадлежащую цели, и знать, какой стихией эта цель владеет. Как ты думаешь, для чего это нужно?

Я пожала плечами — сегодняшний день высосал из меня все силы. Последний выброс адреналина я задействовала на

разговор с Радагатом и теперь думать, предполагать и размышлять попросту не могла.

– Вещь наведет удар на цель. Поэтому она должна была касаться тела объекта не более чем за пару недель до удара и быть достаточно плотной, чтобы несколько секунд выдержать применение любой из стихий. Если, например, воздействовать на платок огнем, то сгорит он слишком быстро для того, чтобы удар достиг цели. Потому твои слова о том, что ночью кто-то приходил, забирался в шкаф, а затем Лисса обнаружила исчезновение свитера, – похожи на правду. Свитер – идеальная вещь для наведения удара. Ты сказала об этом следователю?

– Вы знаете, что я разговаривала со следователем?

– Естественно. Ты моя студентка, и у меня спрашивали разрешения пообщаться с тобой. По-хорошему разговор должен был происходить в моем присутствии, в моем кабинете, но... я решил, что будет лучше, если ты будешь одна. Огарт Лирс – мой давний знакомый, так что не доверять ему причин нет.

Мне очень хотелось спросить, почему проректор не захотел присутствовать на допросе, и я даже рот открыла, но уже в последний момент вдруг отказалась от этого.

– Я сказала, что пропал свитер, но ничего не говорила насчет моего сна. А что там со стихией? Зачем злоумышленнику нужно было знать, чем владеет Лисса?

– А вот теперь я тебе задам вопрос, Лилиана. Как стихии

соотносятся между собой?

Я задумалась, вспоминая один из семинаров Корнелии Сирз и радуясь, что преподаватель заставляет учить теорию так, что в нужный момент она сама всплывает в памяти.

– Ну при взаимодействии они проявляются не одинаково. Вода эффективна против земли и огня – при их атаке воднику можно использовать щиты гораздо слабее, чем при атаке воздуховика. Воздух эффективен против земли и воды, но огонь для него наиболее разрушителен, и подойдут не все щиты для защиты...

– Достаточно. А если на водника напасть с помощью воды?

– Смертельного вреда она ему не сможет причинить. Покалечить – да, но не убить.

– Тогда, Лилиана, ответь мне, зачем убийце нужно было знать стихию Лиссы?

– Чтобы подобрать правильный вариант убийства, – медленно произнесла я. – Огонь не мог ее убить – она водник.

– Но зато огонь мог убить мага воздуха и земли.

– Причем для воздуховика огонь наиболее страшен.

Я сидела широко раскрыв глаза и уставившись в одну точку. Выходит, что Лиссу пытались убить максимально неподходящей стихией.

– Выходит, что хотели убить воздуховика, – безжалостно закончил Радагат.

– Меня, – прошептала я, оглушенная осознанием этого

факта. До того, как Радагат объяснил мне принцип действия дистанционного удара, у меня хотя бы оставались какие-то сомнения, но сейчас...

– А есть кто-то, кто желает твоей смерти?

На этот вопрос я и сама не знала ответа, так что перед тем, как заговорить, надолго задумалась.

– Мне кажется, нет, но ведь мой отец – министр. Мало ли кому он перешел дорогу, кого обидел – я не в курсе его дел.

Радагат встал со стула и протянул мне руку.

– Пойдем.

– Куда это? – Руку я взяла, но со стула вставать не спешила – так и смотрела в черные глаза снизу вверх. Опять потемнели, неужели злятся? На меня...

– В твою комнату. Посмотрим, можно ли подтвердить подозрения.

А я как замороженная смотрела на проректора и не слышала, что он говорит. Чувствовала его горячую ладонь, сжимала ее дрожащими пальчиками и хотела остановить это мгновение. Наверное, только мне показалось, что прошла секунда, так как Радагат неожиданно дернул меня вперед, поймал в свои объятия, и тут же загудел портал.

Как только мы оказались в нашей с Лиссой комнате, Радагат тут же меня отпустил, да еще и в сторону для верности отошел. Ноги не держали, и я тут же села на собственную кровать.

– Ты позволишь? – не дожидаясь моего ответа, прорек-

тор распахнул шкаф и принялся рассматривать его содержимое. – Хм, я не специалист, Лилиана, но мне казалось, что гардероб у девушек несколько больше, чем у вас. Вы где-то еще прячете свои вещи?

Радагат посмотрел по сторонам, но ожидаемо не увидел вокруг никаких сумок с одеждой. Я же не собиралась рассказывать проректору о том, что всю мою одежду и большую часть гардероба Лиссы испортил Таматин, потому просто молчала.

– Одна полка у тебя и одна полка у Лиссы, – продолжал Радагат. – Неудивительно, что долго убийца вещи не искал, но перепутать точно не мог.

Несмотря на то что проректор ошибся, и перепутать наши полки точно можно было, я даже не испугалась – отлично понимала уже, что убить хотели меня, и истину эту приняла. Потому встала, спокойно подошла к Радагату и посмотрела на полки шкафа.

Не зря говорят, что Академия обеспечивает своих студентов всем необходимым: не только одеждой и в некоторых случаях обувью, но и полками для этой самой одежды. При заселении в шкафу появляются надписи, чтобы соседи не спорили насчет того, кому нужно больше места. Так и у нас – верхние полки подписаны моим именем, а нижние – именем Лиссы. Вот только у меня не было вещей, и я не сопротивлялась тому, что большую часть своей одежды подруга разместила на моей верхней полке – так было гораздо удобнее.

– Это не мои вещи, Радагат, – устало сказала я, а Радагат резко обернулся, и так уж вышло, что мы оказались рядом... Непозволительно рядом. – Это вещи Лиссы. У меня есть только мантия, спортивный костюм, да куртку недавно выдали. Так что убийца действительно думал, что берет мою одежду.

– Лилиана, – неожиданно хриплым голосом произнес Радагат, и я вздрогнула и попыталась было отстраниться, но мужчина привлек меня к себе. Наверное, я могла вырваться, но вот руки мои легли поверх рук Радагата да там и остались. – Кто хочет тебя убить?

– Я не знаю, – прошептала я. Старалась же не смотреть на мужчину, который стоял сейчас напротив, но он пальцем приподнял мой подбородок вверх, и я тут же попала в плен темных глаз.

– Ничего не хочешь мне сказать?

Вообще-то сказать хотелось многое и не полностью цензурное, но к случаю оно явно не подходило, потому я едва заметно покачала головой, а затем усилием воли отвела взгляд.

– А я хочу, – и так коротко это прозвучало, но так многозначительно. Особенно если учесть, что руки Радагата меня обнимали, а я не сказать бы что и противилась этому. – Я скучал.

И мне хотелось верить. Безумно хотелось, но я отлично помнила, как Радагат сказал мне, что после того, как будет снят приворот, все закончится.

– Странно, – холодно сказала я и даже руки попыталась было с плеч Радагата, непонятно как там оказавшиеся, убрать, – приворот же снят.

Радагат наклонился и мелкими поцелуями проложил дорожку на моем лице от виска к подбородку. По коже моей бежали мурашки, и при этом щекотно было – хотелось улыбаться, но я старательно хмурила брови.

– Или нет?

– А какой ответ ты хочешь услышать? – прошептал Радагат, обжигая мою кожу своим дыханием.

Мне ничего не хотелось, я закрыла глаза и опустила было безвольные руки вниз, но они странным образом оказались на груди Радагата. Хотя нет, вру – под правой ладонью я ощущала, как быстро и сильно бьется сердце проректора, и вот мне хотелось, чтобы оно билось для меня, но не под действием приворота.

– Я хочу услышать правду.

Радагат молчал, а я прислушивалась к биению его сердца и думать забывала о том, что задала вопрос.

– Ритуала не было, специально с меня приворот никто не снимал, если ты об этом.

Я вздрогнула, и, словно бы стараясь загладить свою вину, Радагат взял мой подбородок в свои руки и нежно-нежно поцеловал в губы. Короткий, почти целомудренный поцелуй, но я чуть не растеклась безвольной лужицей. Когда Радагат отстранился, даже потянулась за ним следом.

– Но я же говорил, что моя магия выжигает зелья.

Я открыла глаза и быстро заморгала, пытаясь прийти в себя.

– Подожди, то есть ты не знаешь, есть на тебе приворот или нет?

Радагат едва заметно улыбнулся, коснулся большим пальцем руки моих губ и пожал плечами.

– Не знаю. Это имеет значение?

– Конечно имеет!

– Странно, – передразнил меня проректор. Обидно, кстати, передразнил. – Ведь вы, Тиррос, от встреч со мной отказались и даже на тренировки стали с Кряхсом ходить.

– А по-моему, ничего странного тут нет, – прошипела я, и дернула головой, сбрасывая руки Радагата. Проректор улыбнулся, меня отпустил и даже на шаг назад отошел. Я себя брошенной какой-то почувствовала, а оттого разозлилась еще больше. – Мне суррогат не нужен, я хочу, чтобы мужчина со мной был без дурацкого приворотного зелья. Радагат, что будет, когда ты снимешь с себя приворот?

– Может быть такое, что снимать уже нечего.

– А может быть, и есть! Этот ритуал такой сложный? Ты можешь провести его и успокоить и меня и себя?

– Я не могу сейчас это сделать.

– Почему?

– И сказать не могу. – Радагат беспомощно провел рукой по волосам, взлохматив их. – Просто поверь, что целую я

тебя не под действием приворота. И обнимаю, и скупаю по тебе не под его действием.

– И от мужчин вы советуете мне держаться подальше не под его действием? – горько спросила я. Слезы душили меня. Я смотрела на проректора и понимала, что опять дала слабину, нельзя было приближаться к Радагату, наслаждаться его прикосновениями... Даже разговаривать с ним нельзя – это дикая ошибка.

– Я в принципе прошу тебя держаться от мужчин подальше, – резко сказал проректор. – И не имеет значения, под приворотом я или нет.

– Для меня имеет, – я подняла голову вверх, надеясь, что в таком положении слезы не потекут по щекам. – Уходи, Радагат. И возвращайся, только когда будешь точно знать, почему хочешь меня видеть. И если не вернешься, то я хотя бы не буду ждать.

Радагат криво усмехнулся.

– Нет уж, жди меня, пожалуйста, потому что я вернусь.

Глава 4

О произошедшем с Лиссой мало кто знал. Из студентов, наверное, только наша небольшая компания и несколько пятикурсников-целителей, которые дежурили у ее постели. К следователю я все-таки подошла еще раз и рассказала о том, что, скорее всего, покушение предназначалось мне. Что-то подсказывает, что для Огарта Лирса таким уж открытием это не стало, а по его недовольному лицу стало понятно, что как раз от меня-то мою же причастность скрыть и хотели.

Друзьям о том, что на самом деле убить хотели меня, я рассказывать не стала. В любую свободную минуту мы собирались вместе, общением стремясь компенсировать свои страхи и опасения. Даже Таматин забросил свои эксперименты и хвостом следовал за мной, будто бы переживая, что после Лиссы нацелятся и на меня. Возможно, так оно и могло случиться, но вот Кряхсу об этом знать не положено. Но все чаще я ловила на себе его внимательный взгляд, и что-то подсказывало мне, что гений о дистанционных ударах литературу изучил и два плюс два сложить смог.

Периодически я видела в Академии Огарта Лирса, а также мужчин, одетых не в форму, но с военной выправкой и цепким взглядом дознавателей. И хоть студенты, не знавшие о том, что произошло преступление, и не видели в них правоохранителей, меня было не обмануть – я понимала, что рас-

следование продолжается, и на быстрый результат рассчитывать не приходится.

Через пару дней Лисса пришла в себя, и хоть нас еще к ней не пускали, вся наша компания облегченно выдохнула. Мы вернулись к тренировкам, так как надвигались отборочные игры и скоро должны были вывесить график. Тренировались по вечерам, и однажды, когда мы с Таматином, отработав защиту, сели на траву отдыхать, а огневики отрабатывали какие-то только им известные приемы, я решилась с гением заговорить.

– Послушай, ты же все знаешь о трудах твоего отца?

Кряхс странно взглянул на меня и нахмурился – по лицу его было заметно, что мой вопрос был неожиданным и застал врасплох. Подумал немного, но, когда решился ответить, оказалось, что с гением внезапно произошел приступ ложной скромности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.